

К. Э. Разлогов <https://orcid.org/0000-0002-2158-504X>

Медиаобразование в социокультурном контексте

Соотношение культурных и коммерческих приоритетов в практике и исследовании медиа требует интеграции методов культурологии и теории медиа, философии и социологии культуры, педагогики и искусствознания (в особенности киноведения), социальной и культурной антропологии, политологии, этнологии и религиоведения. Гуманитарное знание и социальные науки испытывают на себе значительно большее давление идеологического контекста, нежели науки естественные и технические. Наиболее ярко это проявляется именно в сфере медиа и средств массовой информации. В актуальном ныне понимании культуры существует целый ряд противоречий между ведомственными подходами и принципами ЮНЕСКО: в статье подробно анализируются положения Основ государственной культурной политики, утвержденных в 2014 году указом Президента РФ. В этом программном тексте, как и в концепции ЮНЕСКО, проблемы культуры связываются с общественно-экономическим прогрессом и развитием самого человека. Но фактически при обсуждении Основ и разработке соответствующей стратегии главное внимание было уделено не развитию, а наследию и консервации, возвращению к прошлому и защите традиционных ценностей против того нового, что создается человечеством сегодня. Эта своеобразная аберрация связана с национально-историческим контекстом, и с общими глобализационными процессами: в частности, с возрастанием роли медиакомпетенций в культурной и экономической жизни. В XX–XXI вв. параллельно нарастали, с одной стороны, центробежные и центростремительные тенденции (распад империй), с другой – интеграция планетарной культуры на основе деятельности средств массовой информации. Проведенное исследование показывает нелинейность социокультурных процессов и наших представлений о них, определяющих становление новой методологии и имеющих медийную проекцию. Медиаобразование позволяет разрешить многие противоречия, так как предполагает подготовку людей к осмыслению и критическому восприятию не только традиционного, но и качественно нового интеллектуального и художественного творчества.

Ключевые слова: медиаобразование, Основы государственной культурной политики, ЮНЕСКО, социокультурное развитие, медиакомпетенции.

К. Е. Razlogov

Media Education in the Socio-Cultural Context

The correlation of cultural and commercial priorities in media practice and research requires the integration of methods of cultural studies and media theory, philosophy and sociology of culture, pedagogics and art studies (especially film studies), social and cultural anthropology, political science, ethnology and religious studies. Humanitarian knowledge and social sciences are under much greater pressure from the ideological context than natural and technical sciences. This is most evident in the media. In the current understanding of culture, there is a number of contradictions between departmental approaches and the principles of UNESCO: the article analyzes in detail the provisions of the Foundations of the State Cultural Policy, approved in 2014 by the Decree of the President of the Russian Federation. In this program text, as in the concept of UNESCO, the problems of culture are associated with socio-economic progress and the development of the individual. But in fact, when discussing the Foundations and developing an appropriate strategy, the focus was not on development, but on heritage and conservation, a return to the past and the protection of traditional values against the new ones that humanity is creating today. This kind of aberration is connected with the national-historical context, and with the general globalization processes: in particular, with the increasing role of media competence in cultural and economic life. In the XX–XXI centuries on the one hand – centrifugal and centripetal trends (the collapse of empires) increased simultaneously, on the other – the integration of planetary culture based on the activities of the media. The study shows the nonlinearity of social and cultural processes and our ideas about them, which determine the formation of a new methodology and have a media projection. Media education allows us to resolve many contradictions, as it involves preparing people for understanding and critical perception of not only traditional, but also qualitatively new intellectual and artistic creativity.

Keywords: media education, Foundations of the State Cultural Policy, UNESCO, socio-cultural development, media competence.

Несколько лет назад на одном из обсуждений в Государственной думе из уст генерального директора компании «Нева-фильм» Олега Березина, известного исследователя кинопроцесса, вырвалась возмущенная реплика: «Отстаньте вы от нас со своей культурой. Кино – никакая не культура, а стихия коммерции, рынок!». На мой взгляд, это была запоздавшая на несколько лет реакция на передачу кинематографии из относительно автономного Госкино в

прямое ведение Министерства культуры. Я тогда ответил оратору, что кино, конечно же, часть культуры, не обязательно в ведомственном, но, безусловно, в широком антропологическом смысле. Такое понимание культуры не так давно вернулось в политический оборот благодаря утвержденным указом Президента России в декабре 2014 г. Основам государственной культурной политики [9].

В последнее время было актуализировано и идеологическое значение искусства экрана, хорошо знакомое старшему поколению по советской эпохе и приписываемой В. И. Ленину крылатой формулировке: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [7, с. 114]. В результате возродилось представление о том, что любой отечественный фильм априори если не всегда лучше, то по меньшей мере идеологически и экономически «полезнее» любого зарубежного. Иначе чем можно объяснить разработку специальных методик приоритетного продвижения «национальных фильмов» к зрителю и всякого рода квотирования? Ведь логичнее было бы поддерживать высококачественные отечественные и зарубежные фильмы в противовес разного рода «халтуре». Последнюю задачу и было призвано решать классическое кинообразование для всех (а не только для будущих профессионалов), являвшееся предшественником нынешнего медиаобразования, необходимость которого я в свое время оспаривал [6].

Гуманитарное знание и социальные науки испытывают на себе значительно большее давление идеологического и политического контекста, нежели науки естественные и технические. Наиболее ярко это проявляется именно в сфере медиа и средств массовой информации. Текущие заблуждения массового сознания оказывают значительное влияние и на методологию исследования, особенно на априорные суждения и верования, сомнения в которых часто грозили трагическими последствиями для тех ученых, которые их высказывали.

Сочетание и соотношение культурных и коммерческих приоритетов в практике и анализе медиа составляют серьезнейшую теоретическую и практическую проблему, в более широком контексте определяемую как «культура и развитие» [13, с. 3-6]. Связь культуры с развитием была осознана как проблема, требующая научного исследования, только во второй половине XX в. именно благодаря средствам массовой информации и экранному искусству. Анализ этих проблем требовал междисциплинарного подхода, определяемого самим материалом: практикой новых медиа и технологий культуры и свидетельствами их взаимодействия с различными формами общественного сознания. Новые феномены в педагогической практике и медиаобразовании в целом предопределили интеграцию методов культурологии и теории медиа, философии и социологии культуры, а также педагогики, политологии (в частности культурной политики и политэкономии), этнологии, социальной и культурной антропологии, искусствоведения (в особенности киноведения) и религиоведения.

В традиционных обществах – в разных религиозных системах по-разному – приоритет отдавался не развитию, а глубине приобщения к вечным истинам

веры, которые и были универсальной точкой отсчета любого знания. Начиная с эпохи Возрождения основанная на идеалах гуманизма светская культура предполагала тождественность развития общества и развития самого человека. В XX в. основным критерием развития стал экономический рост (для индивида – рост благосостояния). Отсюда и распространение марксизма, и формирование марксизм-ленинизма как новой религии. В гуманитаристике и социальных науках вновь появились абсолютные истины и догмы, усомниться в которых было подобно ересям. Все проблемы методологии сводились к триаде: диалектический материализм, исторический материализм и научный коммунизм. Это не значит, что методологический арсенал наук о человеке и обществе в СССР и странах социалистического содружества не развивался: просто ученые должны были мимикрировать и маскироваться под господствующую идеологию, которая выхолащивалась изнутри. Пока в Советском Союзе марксизм превращался в «чистую форму», на Западе, особенно во второй половине прошлого столетия, он становился ведущим направлением социальной антропологии.

Структурные трансформации, вызванные распадом СССР, породили обратную реакцию: абсолютная истина перекочевала в сферу религии. Это особенно ярко проявилось в процессе обсуждения проекта Основ государственной культурной политики России. Отсюда главные замечания и предложения, высказанные в ходе обсуждения Основ и последовавшей за ними стратегии [4]. Казалось, что о развитии медиа в ходе этого обсуждения вообще забыли: акцент ставился исключительно на традиционных ценностях, возрождавших средневековые представления о примате духовного совершенствования над «грешными» мирскими заботами.

Особенно показателен в этом плане подготовленный сотрудниками Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия текст под симптоматичным названием «Основы «Основ», где, в частности, говорится: «В ОГКП (Основах государственной культурной политики. – К. Р.) подтверждается, что государственная культурная политика строится на принципах свободы творчества и невмешательства государства в творческую деятельность. Однако свобода и невмешательство вовсе не предполагают обязанность государства поддерживать любые формы творчества. Или того, что будет объявлено “творчеством”. Ключевой принцип здесь может быть сформулирован следующим образом: никакие эксперименты с формой не могут оправдать содержания, противоречащего традиционным для нашего общества ценностям» [3, с. 47-48]. Это утверждение радикально расходится с основами медиаобразования, предполагающего именно подготовку людей к осмыслению и критическому восприятию не только

традиционного, но и качественно нового интеллектуального и художественного творчества, то есть произведений, создаваемых их современниками.

Здесь естественно возникает вопрос: «А судьи кто?». Кто и на каком основании определяет, какие ценности традиционны, а какие – нет? И какая традиция берется за основу: языческая, христианская, социалистическая или некая другая? Но главное не в этом. Известно, что великое искусство обгоняет свое время. Произведения нередко признаются не только обществом в целом, но и ведущими специалистами через поколения. Именно поэтому поисковое экспериментальное искусство, как и научные прозрения и эксперименты, стимулирует развитие.

Приведенное выше суждение «Основ «Основ» не только, по сути, призывает пересмотреть Конституцию страны, но и блокирует любое развитие. В принятой Правительством Стратегии формулировка более обтекаема, на то она и стратегия: само это понятие предполагает развитие. «Стратегия является документом стратегического планирования, разработанным в рамках целеполагания по межотраслевому принципу», – говорится в преамбуле документа. – «Такой подход базируется на положениях Основ государственной культурной политики, согласно которым государственная культурная политика понимается как широкое межотраслевое явление, охватывающее такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также как воспитание и самовоспитание граждан, просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны» [8, с. 2]. Именно здесь сформулированы исходные принципы и проблемы науки и образования, в том числе и в области медиа.

Между ведомственными подходами и принципами ЮНЕСКО существует целый ряд противоречий, одно из которых связано с актуальным ныне пониманием и культуры, и развития, и роли медиа и медиаобразования в этих процессах. В общем плане понятие «развитие» можно рассматривать как краеугольный камень государственной политики в целом. В методологическом плане оно включает в себя

- развитие экономики (экономический рост);
- развитие общества (социально-экономическое развитие, модернизация);
- развитие культуры (социально-культурное развитие, рост культурного потенциала, многообразие культур и культурной жизни);
- развитие самого человека.

Между тем на практике и в большинстве национальных и международных систем индикаторов преобладают критерии именно экономического развития. Антропологическая проблематика постепенно

маргинализируется. В результате повсеместно распространяется «остаточный» принцип ее финансирования. В попытке преодолеть такой бюрократически-административный подход международное сообщество выносит проблематику «культура и развитие» в центр своего внимания. Появляется понятие (и индекс) «Human development» («человеческое развитие» или, точнее, развитие самого человека), в 1990 г. подготовлен первый доклад на эту тему, затем эти доклады становятся ежегодными [12].

В качестве кульминации Всемирного десятилетия развития культуры (1988-1997 гг.) ООН и ЮНЕСКО создали комиссию для подготовки доклада по культуре и развитию «Наше творческое разнообразие». Ее возглавил бывший Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр. В составе этой комиссии Россию представлял кинорежиссер Никита Михалков.

Доклад и официальный русский перевод были опубликованы в 1996 г. [14]. Документ содержит целый ряд важных рекомендаций по учету проблематики культуры при разработке экономических стратегий и может быть использован для гуманизации экономики и учета культурных приоритетов, наряду с экономическими целями и задачами. Вместе с тем авторам доклада, очевидно, не удалось разрешить основное противоречие, на которое указывал Маршалл Сахлинс в формулировке, избранной членами Комиссии в качестве эпиграфа: «В академических и политических кругах возникает значительное замешательство в тех случаях, когда происходит смешение понятия культуры в гуманистическом смысле с понятием культуры в ее антропологическом смысле, в частности с понятием культуры как всеобъемлющего и не похожего на другие образа жизни народа или общества. С антропологической точки зрения бессмысленно говорить о «связи между культурой и экономикой», поскольку экономика является частью культуры народа. Действительно, двусмысленность, заключенная в этой фразе, представляет большую идеологическую проблему для Комиссии: является ли «культура» аспектом или средством «развития», которое понимается как материальный прогресс; или же «культура» является конечным итогом и целью «развития», которое понимается как процветающее существование человека в различных формах и в целом?» [14].

«Современный этап развития России требует максимального вовлечения потенциала культуры в процессы общественного прогресса», – утверждает в Основах государственной культурной политики [9]. В этом программном тексте (в отличие от цитированных выше «Основ «Основ») термин «развитие» употребляется достаточно часто. Он появляется уже в преамбуле, где говорится о правовых актах и процессах, регулирующих процессы культурного развития в Российской Федерации. Государственная культурная политика, согласно документу, призвана

обеспечить приоритетное культурно-гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны. Далее во введении проблемы культуры связываются с общественным прогрессом, социально-экономическим развитием и развитием самого человека.

Казалось бы, на этой базе можно было бы достаточно детально разработать стратегию развития культуры, вписывая ее в социально-экономические, цивилизационные процессы. А между тем при обсуждении Основ и разработке соответствующей стратегии, как мы уже отмечали, главное внимание уделялось не развитию, а наследию и консервации, которые нередко развитие тормозят. Об этом прекрасно знают специалисты в области медиаобразования.

Эксперты в области культуры и образования расходятся во мнениях и по поводу того, что следует понимать под развитием культуры. С одной точки зрения, это преимущественно социально-культурное развитие, а с другой – это, в первую очередь, рост культурного многообразия. И, наконец, дискуссионным является общее понимание развития самого человека, которое может трактоваться и абстрактно – как высшая цель развития человечества, и инструментально – для решения разных задач (отсюда распространённый акцент на компетенциях в противовес знаниям в образовании): например, для консолидации общества, укрепления нравственности и патриотизма, достижения социальной сплоченности.

Основы государственной культурной политики предлагают достаточно широкую палитру для рассмотрения различных систем взаимосвязи между развитием общества в целом и ролью в этом процессе медиа. В теоретическом плане приоритет развития может рассматриваться как наследие эпохи модерна, когда постижение и создание нового в культуре и искусстве рассматривалось как конечная и высшая цель, в основе которой заключено понятие прогресса и просвещения масс, то есть передача опыта «высокой», «элитарной» культуры различным слоям населения. Именно в этот период родилось определение культуры как всего лучшего, что создано человечеством, ведущим стало представление о культуре как о некоей вертикали. В этих условиях и искусство рассматривалось в категориях развития, классическое искусствоведческое образование предполагало, что хорошее искусство всегда революционно: творцы создают нечто новое, что затем ассимилируется обществом и человечеством.

В этом контексте особенно интересно, почему при реальном воплощении в жизнь Основ государственной культурной политики ведущая роль была отдана не развитию, а возвращению назад и защите традиционных ценностей против всего того нового, что создается человечеством сегодня.

Эта своеобразная аберрация связана с общими процессами социального развития как в мире, так и в нашей стране.

С момента формирования горбачевской «перестройки» сразу стала очевидной ее внутренняя противоречивость и разнонаправленность. С одной стороны, налицо было стремление следовать общемировым тенденциям, связанным с такими понятиями, как демократия и права человека, поощрять и стимулировать обновление творческих импульсов, связанных с модернизацией. Эта концепция продолжала, как это ни парадоксально, традицию, которая была заложена большевиками, стремившимися радикально модернизировать априори, как они считали, отсталую страну, слабое звено в общей капиталистической и империалистической системе. Можно задать общим вопросом: почему, когда эти изменения начались, на первый план вышли не «отличники» и лучшие ученики, а те, кто не освоил основ марксизма-ленинизма, либо сверху (сомневаясь в их правильности и абсолютном значении), либо снизу (вообще не задавая себе таких глупых вопросов)? Именно эти люди, грубо говоря, «двоечники», и встали в авангарде перемен, поскольку не были связаны хорошим знанием того, что им преподавали в школах и университетах. Это были, с одной стороны, спецслужбы, достаточно цинично к тому времени относившиеся к постулатам марксизма-ленинизма и к людям, которым они должны были служить, поскольку, в отличие от других, срединных слоев общества, они были более осведомлены о том, что происходило в реальности. А с другой стороны – уголовники, заключенные, жулики, фарцовщики и люди, которые считались проходимцами и действительно довольно лихо прошли по России в период радикальных перемен, оказавшись значительно более приспособленными к окружающим обстоятельствам, нежели идеалисты и «отличники», оплакивавшие те идеалы, которым их обучали.

Думаю, что такого рода трансформации ожидают нас и в будущем – как в нашей стране, так и в других странах. Есть и парадоксы, связанные с конкретными медиа. Наиболее очевидный здесь пример – французский. Французы первыми, еще в 1960-1970-е гг., широко внедрили систему зрительной и текстовой дистанционной коммуникации с помощью телефонной связи, которую они назвали «минитель». В каждой квартире во Франции рядом с телефоном был маленький экран, по которому можно было узнать какие-то необходимые для жизни сведения, связаться с агентами, людьми и организациями, предоставляющими необходимые услуги – одним словом, значительно расширить благодаря аудиовизуальным, технически опосредованным средствам коммуникации свои знания и представления о том, что происходит вокруг. Французы в плане медиаобразования и медиакомпетенций обогнали дру-

гие страны. Но в разгар абсолютной популярности минителя и на пике его распространения во Франции и последовавших французскому примеру странах возникла другая система – Интернет. Возникла в другом месте – сначала в американском военном ведомстве, и через систему университетских профессоров, которые стали ее использовать для получения и обработки разнообразной информации, она распространилась на самые широкие, разноплановые круги пользователей. Медленнее других и с наибольшим скрипом эту систему принимали именно во Франции, поскольку она противоречила привычному минителю, который, вроде бы, решал аналогичные задачи. Продвинутость в определенном направлении стала препятствием для восприятия нового, революционного метода переработки и распространения аудиовизуальной информации.

В этом смысле Россия оказалась значительно более приспособленной для Интернета, хотя бы в силу того, что в наименьшей степени была охвачена вообще стационарной телефонной связью, а все формы беспроводного и даже проводного общения находились под строгим контролем государства и служб безопасности. КГБ и цензура всячески тормозили использование простыми людьми таких приспособлений, как телекс, пишущие машинки или телеграф, и тем самым тормозили развитие страны в целом. Их деятельность парадоксально стимулировала освоение Интернета, техническая основа которого оказалась более гибкой и менее подверженной торможению. В свою очередь, распространение Интернета привело к желанию поставить его под контроль государства, внедрить те или иные системы ограничений и цензуры, как, например, так называемый «закон о пиратстве» [11]. С одной стороны, эти меры, вроде бы, блокировали дальнейшее развитие, в том числе и культурный рост населения, но с другой – стимулировали разного рода технологии обхода препятствий, отсюда распространение хакеров, наиболее искусные среди которых оказываются именно в нашей стране.

Горбачевская модернизация требовала ускоренного развития рыночной экономики, превращения рынка в основной механизм организации социальной и культурной жизни, а также «гласности», которая вызвала к жизни феномен медиакомпетентий, ранее казавшихся ненужными, а то и вредными. В соответствии с логикой этого рода модернизации главной формой культурной деятельности и культурного творчества становилась глобальная массовая культура, то есть стихия медиа, подчиненная рыночным механизмам и построенная на максимизации прибыли. Я уже неоднократно подчеркивал, что этот тип развития отнюдь не считаю явлением сугубо экономическим [5, с. 248-265]. Увеличение доходов от распространения произведений искусства свидетельствует о двух не только слабо взаимосвязанных,

но и зачастую вступающих в конкуренцию процессах. С одной стороны, интерес массовой аудитории, все более широкой, превращается в главный двигатель экономических механизмов, будь то бокс-офис в кино или рейтинг на телевидении. С другой стороны, экспертные оценки людей, которые считаются высшими ценителями прекрасного, приводят к тому, что произведения искусства повышаются в цене практически до бесконечности. Если брать создание произведений, которые в производстве обходятся дорого (это кинематография, театральное искусство и т. д.), то с точки зрения их финансирования безразлично, получают ли авторы пять миллионов благодаря пяти миллионам зрителей, которые заплатят по рублю или доллару за билет, или эти пять миллионов даст государство или меценат, поскольку некая группа экспертов им докажет (ошибочно или нет – не имеет значения), что именно это произведение и будет шедевром, признанным в будущем.

Значительно важнее другое противоречие – противоречие между ориентацией на рынок (и соответственно, на массовую культуру) и ориентацией творческих лиц, интеллигенции в целом на пересмотр приоритетов культурной политики в стремлении к возвращению в прошлое, будь то до Октябрьской революции, или, как теперь говорят, до октябрьского переворота, или до Петровских реформ, которые, с их точки зрения, повели Россию по неправильному европеизированному пути, лишив культурной самобытности. Если принять за основу будущего развития этот консервативный принцип (я бы его назвал, перефразируя название известного голливудского фильма, «вперед в прошлое»), то ни о какой массовой культуре, ни о какой коммерциализации, ни о каком рынке не может быть и речи. Тогда господствует традиционная культурная вертикаль, с вершины которой распространяется разумное, доброе, вечное, в первую очередь, по церковным приходам (а сегодня и по специализированным телевизионным каналам), особо не допускающих, как «Россия-Культура», например, изменений и нововведений.

Любая страна имеет возможность пойти по одному из этих двух путей. Для Ирана периода правления аятолл или в еще большей степени так называемого «Исламского государства» возвращение к истокам, к правильным и незыблемым законам является абсолютом и приводит к необходимости к изоляции от окружающего мира, в котором во многом господствуют экономические закономерности и приоритеты. Или же, наоборот, можно поддержать стремление вписаться в процессы глобализации, в том числе и массовой культуры и рыночной экономики. Ставка на ускорение развития также будет содержать некоторое противоречие: если принять в общем-то бесспорный постулат, что любое общество, как и любой человек, движется к гибели, то

чем медленнее мы будем идти в этом направлении, тем это будет правильнее и безопаснее.

Рассмотренные выше фундаментальные противоречия в развитии средств и систем коммуникации могут разрешаться и разрешаются на разных этапах истории и в разных регионах по-разному.

Проведенный в этой статье анализ показывает нелинейность процессов как развития культуры, так и развития экономики, науки и общества и наших представлений о них, определяющих становление новых методов исследования. Как мы убедились, у этих процессов есть и медийная проекция. Социодинамика культуры привела к тому, что аудиовизуальные произведения сегодня могут дойти до зрителя по нескольким каналам: с экранов кинотеатров и киноустановок, через различные формы телевизионного вещания, в автономных видеозаписях и через Интернет, путем как скачивания, так и просмотра онлайн. В условиях технической конвергенции всех форм записи и воспроизведения изображения в движении на цифровой основе практически снимаются препятствия для свободного перехода из одной формы в другую: например, записи Blu-ray могут демонстрироваться и на домашнем оборудовании, и в кинотеатрах; скачивая фильмы в Интернете, можно пополнять свою коллекцию видеозаписей и т. п.

В этом контексте одним из преимуществ проектируемых сегодня Центров культурного развития в малых городах и сельских поселениях как и Инновационных культурных центров можно считать потенциал актуализации всех форм аудиовизуального показа, хотя основное внимание по архаичной традиции уделяется показу кинотеатральному. Но и здесь есть своя специфика.

В настоящее время главное внимание в отрасли культуры уделяется так называемым современным кинотеатрам, как правило, многозальным и расположенным в крупных торговых центрах. Они дают основную долю доходов от проката и функционируют в условиях жесткой конкуренции. Многочисленные муниципальные кинотеатры пребывают в положении бедных родственников, хотя и пытаются наладить систему кинособытий, в первую очередь связанных с отечественным кино. Кинотеатров, специализирующихся на художественно качественном продукте, единицы даже в Москве или Санкт-Петербурге. Поэтому потребность в экспериментальном поисковом кино удовлетворяется за рамками коммерции в системе показов в клубах и кафе, зачастую без компенсации правообладателям. Здесь есть значительный резерв роста аудитории отечественных фильмов именно за счет обновленных учреждений культуры, которыми коммерческие кинотеатры юридически не являются.

Если бы процессы были линейными и стопроцентно предсказуемыми, ситуация была бы не столь сложной, однако любой революционный слом ставит

под сомнение все ранее воспринятые истины. Наша страна в этом плане за последние полвека пережила последовательность такого рода трансформаций, которые по традиции можно объяснить очередной попыткой модернизации сверху, за которой последовал откат назад, на сей раз более могучий, чем ранее: не на двадцать, а на триста лет, во всяком случае в теории, хотя на практике дело обстояло и обстоит по-другому.

Из этих своеобразных противоречий следует один вывод: мы никогда не знаем, с какой точки и откуда пойдет новый виток дальнейшего не только экономического, но и интеллектуального развития. Поэтому единственный способ приспособиться к постоянно меняющимся обстоятельствам – это знаменитый маоистский лозунг: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Нужно дать возможность формироваться самым разнообразным росткам научного знания и социальных практик, потому что ты никогда заранее не можешь догадаться, какой из этих ростков будет наиболее быстрым и эффективным в дальнейшем. Если результаты эффективного менеджмента в условиях рыночной экономики легко и быстро измеримы непосредственной экономической отдачей, то «менеджмент» науки, культуры и общества заключается в расширении спектра поиска и креативных прорывов, из которых, разумеется, 99 % кончатся ничем, но один из сотни может вывести страну, народ, сословие или культурное сообщество в разряд абсолютных лидеров. Отсюда и особая роль постоянных изменений в сфере медиа и методов их изучения.

Здесь, конечно, остается множество теоретических и практических проблем, основная из которых: как же все это связывается с традициями, если мы хотим их незыблемости? Именно поэтому, в силу множественности путей дальнейшего развития, я подвергаю сомнению распространенную метафору «культурный код», которая заимствована у биологов (у них действительно есть научное понятие «генетический код» – вполне определенное сочетание хромосом) и нередко используется специалистами в области медиа. В культуре и медиапрактике ситуация специфическая – здесь всегда есть множество традиций и множество кодов, которые взаимодействуют между собой. Иногда они составляют определенного рода устойчивые конфигурации. Открытым, правда, остается вопрос, насколько эти образования формируются в головах исследователей, а насколько существуют в реальной жизни. Одной из таких конфигураций является, к примеру, этнос, сочетающий элементы крови и почвы, единство языка (ключевого медийного фактора) и определенный набор характеристик, которые изучают и наблюдают этнологи. Но если у нации, которая связана с государством, есть некий объективный критерий – гражданство, то с этносом проблем значительно больше еще и потому,

что каждый из элементов, его составляющих, на самом деле имеет самостоятельное значение, самостоятельное существование и самостоятельное развитие.

Тем более это касается сочетания культурных и медийных кодов, которые в конечном итоге многие для собственного удобства пытаются свести к некой абстракции под названием «культурный код нации». Когда это делают художники, опираясь на метафоричность собственного мышления, как Андрей Кончаловский, это можно понять и принять как художественный прием [2]. Значительно более сомнительно использование этого понятия учеными. Традиции разнообразны и неоднородны, опираясь на ту или иную традицию, можно добиться определенных результатов, а можно их блокировать. Это хорошо понимает, например, Александр Аузан, изучающий зависимость экономического развития от культурных факторов [1]. Но и он злоупотребляет термином «культурный код». Ученый ссылается на общепризнанный факт, что дальневосточные нации столь быстро продвинулись в микроэлектронике потому, что они были нациями риса. Мелкие рисинки, на которых умельцы вырезают философские суждения иероглифами, приучают людей к общению с микроскопическими элементами.

В противовес культуре риса российская культура, по некоему крылатому выражению Н. С. Михалкова, может считаться культурой семечек, культурой бесед на завалинке, культурой свободного обмена мнениями. И этот свободный обмен мнениями, в свою очередь, может оказаться в определенных обстоятельствах преимуществом для дальнейшего развития. Поэтому очень важно не тормозить, не блокировать и не отказываться от того, что является нашей сильной стороной, только потому, что сегодня, в краткосрочной перспективе до 2030 г., например, нам представляется, что та или иная особенность бесперспективна и противоречит сильным сторонам других, более экономически продвинутых государств.

Приведу в пример советскую систему образования. Как и советская философия, она базировалась на немецкой традиции. До сих пор у нас в стране работают ученые мирового уровня, для которых не английский, а немецкий язык является основным. Для немецкой системы образования характерно большее внимание к фундаменту знаний, нежели к их практическому применению, и эта черта сохранилась, невзирая ни на что, и в условиях коммунистического режима. В академических дискуссиях до сих пор, как только речь идет об общих рассуждениях и доводах, российские ученые, писатели, публицисты оказываются на несколько шагов впереди более прагматичных западных идеологов. Кстати говоря, наиболее известные среди них стали знаменитыми именно потому, что не отказались от классического наследия, а двигались вперед по тому же маршруту,

будь то Мишель Фуко, Пьер Бурдьё или такой теоретик кино, как Жиль Делез. Именно на грани художественного и научного мышления оказываются и наследие итальянца Умберто Эко, и великая российская традиция Сергея Эйзенштейна, Юрия Тынянова, Михаила Бахтина.

Стремясь следовать более эффективным в непосредственно осознаваемом развитии, прагматическим принципам американской системы образования, отечественные чиновники в текущих реформах нередко стремятся «сбросить с корабля современности» эту немецкую традицию и быстро заменить ее другой, тем самым блокируя сильные черты отечественной культуры мышления не только в национальном, но и в международном масштабе и стимулируя то, к чему российская ментальность в значительно меньшей степени расположена. Результат оказывается весьма плачевным: настоящих эффективных менеджеров американского образца приходится приглашать из-за границы, а могущества интеллекта, основанного на классической традиции, при этом мы лишаемся, всячески тормозя его уже начиная со среднего образования. А ведь в будущем никогда не известно, какой именно росток, по примеру медиа, приведет к ускоренному развитию.

В XX и еще больше в XXI в. в культуре, как мы видели, параллельно нарастали с одной стороны – центробежные и центростремительные тенденции (распад империй), с другой – интеграция и глобализация, объединение планетарной культуры на основе деятельности средств массовой информации. Массмедиа повсеместно распространяют одни и те же мелодии, одни и те же иерархии звезд и героев, одни и те же представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Впрочем, термин «одни и те же» не вполне точен, скорее речь идет о стихийном отборе образцов и моделей на основе их популярности, то есть о глобальной массовой культуре, не столько подавляющей многообразие, сколько стимулирующей его и питающей им. Соотношение между центробежными и центростремительными тенденциями и формирует социодинамику и геополитику культуры, определяющую ее роль в развитии, движущей силой которого при любом раскладе оказываются медиа и, соответственно, медиаобразование и исследование.

Ключевым фактором в этом плане оказывается устойчивость развития. Уже в статье «Что такое медиаобразование» [6] я обращал внимание на то, что передача интеллектуальных традиций и вписывание новых медиа в существующие системы взглядов и ценностей, к которым порой сводят значение медиаобразования, обращенного к молодому поколению, имеет и обратную сторону. Старшие поколения остро нуждаются в овладении навыками пользования новой коммуникационной техникой, которую их дети и внуки осваивают с детства, подобно родному

языку. Образование в сфере новых медиа позволяет реально разрешить противоречия между культурой и развитием: пока молодые обучаются критическому восприятию и анализу потоков аудиовизуальной информации, старшие поколения осваивают не менее сложные технологии общения в Интернете, обучаются полноценному использованию смартфонов и самых разных гаджетов. Таким образом, если не преодолевается, то по меньшей мере смягчается разрыв между поколениями и обеспечивается устойчивость развития.

Несколько лет тому назад я участвовал в ток-шоу (на каком точно канале, уже не помню), приуроченном к прогнозам на выборах, скорее всего, в Госдуму. Уже тогда в итоге дискуссии я пришел к заключению, что будущее (не только в узких рамках электората) разыгрывается между двумя основными группами населения: теми, кто по традиции ориентируется на телевидение, и теми, кто «живет» в Интернете.

На это суждение тогда мало кто обратил внимание, и я не уверен, что оно вообще вошло в окончательный вариант программы (признаюсь, я редко «ловлю» себя в эфире и еще реже разыскиваю записи соответствующих выпусков на сайтах компаний). И вот вскоре после манифестаций 26 марта 2017 г. коллеги, с которыми я тогда поделился своим мнением, обратили мое внимание на статью Ильи Ухова «Телевизор, прощай. Что показали “антикоррупционные” протесты Навального» [10], которая, по их мнению, подтверждает мои прогнозы n-летней давности.

Автор статьи действительно (на мой взгляд, уже запоздало) муссирует сходные идеи, правда, в узких рамках политехнологий. Но и сегодня этот якобы «технократический» взгляд не находит понимания. В реакциях наших руководителей, живущих обыденным сознанием (чуть не сказал, «пенсionеров»), по-прежнему преобладают штампы прежних времен – от происков врагов, оплаченных митингов и майдана до «ошибок в воспитании молодого поколения». Мысль о том, что не только молодое, но и значительная (преимущественно, продвинутая) часть старших поколений уже давно существует как бы в другом измерении – в виртуальной интернет-реальности, «горе-воспитателям» в голову по-прежнему не приходит. А зря.

Ведь суть дела не только и не столько в политике и идеологии, сколько в социокультурном контексте, который во многом определяет сознание и поведение больших масс людей.

Когда проводилась телевизионная дискуссия, о которой я упоминал, очевидное большинство составляла аудитория первого и второго телевизионных каналов. Зрителей нишевых кабельных и спутниковых каналов было значительно меньше, хотя динамика последних даже не лет, а уже десятилетий

показывает падение рейтингов «гигантов» и «расползание» зрителей по нишам.

Еще важнее появление и поведение «сетевых людей», живущих в Интернете, а не просто использующих возможности Всемирной паутины. Я впервые обратил внимание на этот термин несколько десятилетий тому назад, когда оказался в жюри «нет-арта» – интернет-искусства. Организаторы тогда сказали мне и еще нескольким коллегам-искусствоведам: «Вы – люди не сетевые и самостоятельно эти произведения в Интернете не найдете, так что мы для вас сделаем записи и покажем». Стоит ли говорить, что с тех пор «сетевых людей» стало на несколько порядков больше и они часто уже «перевешивают» традиционное большинство.

То, что этот фактор первым использовал Алексей Навальный, – случайность. А вот идущая на наших глазах «смена вех», в первую очередь в культурных ориентирах, – закономерность, и бороться против нее, педалируя верность придуманным в кабинетах и коридорах власти «традициям», бесперспективно. Реальные социокультурные процессы надо изучать и понимать. Именно они являются источниками развития, пытаться блокировать которые во имя превратно понимаемой «безопасности» по меньшей мере нецелесообразно.

Обозначенные проблемы возникли, конечно же, не 26 марта 2017 г. На фоне научно-технического прогресса они особенно ярко проявлялись и проявляются в периоды социальных и экономических кризисов. Предвидя такое развитие событий, я тридцать лет тому назад предложил создать Институт новых технологий культуры, сделал доклад в соответствующем отделении РАН и даже получил (на словах) поддержку академика Е. П. Велихова и правой руки М. С. Горбачева А. Н. Яковлева. Но вскоре всем стало не до того. Четверть века спустя соответствующие направления исследований Российского института культурологии ускорили его ликвидацию. Тем временем, как выяснилось совсем недавно, эти вопросы актуальности не потеряли.

Библиографический список

1. Аузан, А. А. Национальные ценности и модернизация [Текст] / Александр Александрович Аузан. – М.: ОГИ, 2010. – 192 с.
2. Кончаловский, А. С. Лекция Андрея Кончаловского в рамках межфакультетского курса «Культурный код нации: социально-экономическое значение» [Электронный ресурс] / Андрей Сергеевич Кончаловский. – URL: <https://www.econ.msu.ru/75/news/News.20160224/>, свободный. Проверено 02.11.2018.
3. Миронов, А. С. Основы «Основ». О смыслах государственной культурной политики [Текст] / Арсений Станиславович Миронов // Совет Федерации. Аналитический вестник. – 2015. – № 12 (565). – Государственная культурная политика и вызовы времени. – С. 47-48.
4. О ходе реализации Основ государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808, и разработ-

ки проекта стратегии государственной культурной политики [Электронный ресурс] / Совет Федерации. Аналитический вестник. – 2015. – № 18 (571). – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d55fab4f6341ddd7c7.pdf>, свободный. Проверено 02.11.2018.

5. Разлогов, К. Э. Коммерция и творчество: враги или союзники [Текст] / Кирилл Эмильевич Разлогов. – М.: РИК, 1992. – 271 с.

6. Разлогов, К. Э. Что такое медиаобразование [Текст] / Кирилл Эмильевич Разлогов // Медиаобразование. – 2005. – № 2. – С. 68-75.

7. Самое важное из всех искусств. Ленин о кино [Текст] / сост. А. М. Гак. – М.: Искусство, 1973. – 224 с.

8. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>, свободный. Проверено 02.11.2018.

9. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002>, свободный. Проверено 02.11.2018.

10. Ухов, И. Телевизор, прощай. Что показали «антикоррупционные» протесты Навального [Электронный ресурс] / И. Ухов // LIFE. – 26 марта 2017. – URL: <https://life.ru/990102>, свободный. Проверено 03.11.2018.

11. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018) [Электронный ресурс] / Законодательство Российской Федерации. Сборник основных законов РФ. – URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-informacii-149-fz/>, свободный. Проверено 02.11.2018.

12. 25 Years of Human Development [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hdr.undp.org/en/25-years>, свободный. Проверено 02.11.2018.

13. Marañá, M. Culture and Development. Evolution and Prospects [Электронный ресурс] / Maider Marañá // UNESCO Etxea Working Papers. – 2010. – № 1. – URL: http://www.unescoetxea.org/dokumentuak/Culture_Development.pdf, свободный. Проверено 02.11.2018.

14. Our Creative Diversity [Электронный ресурс] / Report of the World Commission on Culture and Development. – P.: UNESCO, 1996. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001055/105586e.pdf>, свободный. Проверено 02.11.2018.

Reference List

1. Auzan, A. A. Nacional'nye cennosti i modernizacija = National values and modernization [Tekst] / Aleksandr Aleksandrovich Auzan. – M.: OGI, 2010. – 192 s.

2. Konchalovskij, A. S. Lekcija Andreja Konchalovskogo v ramkah mezhfakul'tetskogo kursa «Kul'turnyj kod nacii: social'no-jekonomicheskoe znachenie» = Andrey Konchalovsky's lecture within the interfaculty course «The cultural code of the nation: social and economic value» [Jelektronnyj resurs] / Andrej Sergeevich Konchalovskij. – URL: https://www.econ.msu.ru/75/news/News_20160224/, свободный. Проверено 02.11.2018.

3. Mironov, A. S. Osnovy «Osnov». O smyslah gosudarstvennoj kul'turnoj politiki = Bases of «Bases». About meanings of the state cultural policy [Tekst] / Arsenij Stanislavovich Mironov // Sovet Federacii. Analiticheskij vestnik = Federation

Council. Analytical bulletin. – 2015. – № 12 (565). – Gosudarstvennaja kul'turnaja politika i vyzovy vremeni. – С. 47-48.

4. O hode realizacii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki, utverzhdennyh Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 dekabrja 2014 goda № 808, i razrabotki proekta strategii gosudarstvennoj kul'turnoj politiki = About the course of realization of the Bases of the state cultural policy approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated from December 24, 2014 № 808, and development of the project of the strategy of the state cultural policy [Jelektronnyj resurs] / Sovet Federacii. Analiticheskij vestnik = Federation Council. Analytical bulletin. – 2015. – № 18 (571). – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d55fab4f6341ddd7c7.pdf>, свободный. Проверено 02.11.2018.

5. Razlogov, K. Je. Kommercija i tvorcestvo: vragi ili sojuzniki = Commerce and creativity: enemies or allies [Tekst] / Kirill Jemil'evich Razlogov. – M.: RIK, 1992. – 271 s.

6. Razlogov, K. Je. Chto takoe mediaobrazovanie = What is media education [Tekst] / Kirill Jemil'evich Razlogov // Mediaobrazovanie = Media education. – 2005. – № 2. – С. 68-75.

7. Samoe vazhnoe iz vseh iskusstv. Lenin o kino = The most important of all arts. Lenin about cinema [Tekst] / sost. A. M. Gak. – M.: Iskusstvo, 1973. – 224 s.

8. Strategija gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29 fevralja 2016 g. № 326 r = The strategy of the state cultural policy until 2030. Order of the Government of the Russian Federation dated from February 29, 2016 № 326 r [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>, свободный. Проверено 02.11.2018.

9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24.12.2014 № 808 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki» Decree of the President of the Russian Federation dated from 24.12.2014 № 808 «About the statement of Bases of the state cultural policy» [Jelektronnyj resurs] / Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002>, свободный. Проверено 02.11.2018.

10. Uhov, I. Televizor, proshhaj. Chto pokazali «antikorrupcionnye» protesty Naval'nogo = TV, farewell. What was shown by Navalny's «anti-corruption» protests [Jelektronnyj resurs] // LIFE. – 26 marta 2017. – URL: <https://life.ru/990102>, свободный. Проверено 03.11.2018.

11. Federal'nyj zakon «Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii» ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 19.07.2018) = Federal law «About Information, Information Technologies and on Information Security» dated from 27.07.2006 № 149-FZ (edition from 19.07.2018) [Jelektronnyj resurs] / Zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii. Sbornik osnovnyh zakonov RF. – URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-informacii-149-fz/>, свободный. Проверено 02.11.2018.

12. 25 Years of Human Development [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.hdr.undp.org/en/25-years>, свободный. Проверено 02.11.2018.

13. Marañá, M. Culture and Development. Evolution and Prospects [Jelektronnyj resurs] / Maider Marañá // UNESCO Etxea Working Papers. – 2010. – № 1. – URL: http://www.unescoetxea.org/dokumentuak/Culture_Development.pdf, свободный. Проверено 02.11.2018.

14. Our Creative Diversity [Jelektronnyj resurs] / Report of the World Commission on Culture and Development. – P.: UNESCO, 1996. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001055/105586e.pdf>, свободный. Проверено 02.11.2018.